P
53
310

310

Къ исторіи права русскихъ инородцевъ. Древній Монголо-Калмыцкій или ойратскій уставъ взысканій (Цааджинъ-Бичикъ).

Ѳ. И. Леонтовича. Одесса, 1879.

Въ 1640 году, въ дикихъ степяхъ Средней Азіи, темные ханы и князья калмыцкіе собрались на общій „сеймъ“, и на немъ составили довольно обширное уложеніе; подлинный текстъ его исчезъ (по мнѣнію Ѳ. И. Леонтовича); но уцѣлѣлъ неоффиціальный русскій переводъ, который, однако, имѣлъ у калмыковъ значеніе дѣйствующаго кодекса (или правильнѣе кодифицированнаго калмыцкаго обычнаго права). Онъ напечатанъ еще въ XVIII в. (въ Опытѣ Трудовъ Вольн. Рос. Собр. при Моск. Университ., ч. III, 1776 г.), потомъ въ двухъ русскихъ журналахъ 1828 г. (Сѣв. Арх. и Сынъ Отеч.). Уцѣлѣла также нѣмецкая транскрипція этого уложенія, сдѣланная Палласомъ и изданная въ „Sammlungen historischen Nachrichten über Mongolischen Völkerschaften“, 1776 г.

Нынѣ Ѳ. И. Леонтовичъ издалъ вновь тоже Уложеніе по списку, въ нѣкоторой степени отличающемуся отъ тѣхъ, съ которыхъ были сдѣланы прежнія изданія. Ученый издатель сдѣлалъ больше: онъ сопоставилъ русскій текстъ съ текстомъ Палласа, присоединилъ къ тексту обстоятельное изслѣдованіе памятника и даже всего монгольскаго права (по поводу рѣчи объ источникахъ Уложенія 1640 г.), собралъ фрагменты узаконеній, предшествовавшихъ уставу 1640 г. и отчасти послѣдовавшихъ за нимъ. Всѣ вопросы, затронутые въ предисловіи (стр. 1—62) онъ вновь пересмотрѣлъ въ добавленіяхъ (стр. 121—282), на основаніи данныхъ, сдѣлавшихся ему доступными по напеча-

таніи предисловія и текста. Наконецъ онъ приложилъ подробный указатель къ тексту памятника и довольно пространный перечень литературныхъ работъ по монгольскому праву.

Какую важность имѣетъ изданіе и обработка памятника такого малоизвѣстнаго и маловліятельнаго народа, какъ калмыки? Калмыцкое право... Не истраченъ ли напрасно большой и просвѣщенный трудъ на дѣло неблагодарное? Въ частности чѣмъ обогащается чрезъ этотъ трудъ русская научная юриспруденція?

Прежде всего изученіе памятника калмыцкаго права пригодно практически для знакомства съ обычнымъ правомъ инородцевъ, принадлежащихъ къ Россійской Имперіи, почему первый титулъ разсматриваемой книги таковъ: „Къ исторіи права Русскихъ инородцевъ". Объ этомъ значеніи изданія распространяться нечего.

Болѣе важно теоретически научное значеніе этого устава: изданіе его даетъ новый элементъ для сравнительно-историческаго изученія всемірнаго права, а именно новый частичный примѣръ отношеній національной оригинальности права къ его общечеловѣческому значенію. Права азіатскихъ народовъ и притомъ столь мрачныхъ и рабскихъ, какъ монголы, кажутся намъ вполнѣ недостойными сравненія съ правами Европейскихъ культурныхъ народовъ; сравнительное изученіе права обыкновенно ими и не пользуется.

Между тѣмъ единство природы духа человѣческаго сказывается въ сферѣ права столь рѣшительно, что тотчасъ бросаются въ глаза ярко сходныя мѣста въ Уложеніи средне-азіатскихъ улусовъ XVII в. и напр. въ Русской Правдѣ.

Но прежде объ оригинальности калмыцкаго права.

Въ разсматриваемомъ памятникѣ монгольскаго права можно наблюдать весьма много особенностей чисто національнаго характера, много не только оригинальныхъ чертъ, но и такъ сказать чудачествъ.

Прежде всего относительно самой силы законовъ въ припискахъ къ Уставу 1640 г. (Галданъ ханъ тайджи) мы находимъ слѣдующее необыкновенное постановленіе (ст. 158): „кому изъ сего моего повелѣнія покажется что за непристойное, оному позволяется о томъ объявленіе учинить и свое мнѣніе представить; а буде сіе примется за благо, и оное должны утвердить. А ежели на сіе кто какого представленія не учинитъ, а будетъ прекословить въ томъ, что многіе примутъ за благо, и зато оной, яко ненавидящій покоя, претерпитъ многій гнѣвъ". Нужно

знать, что это постановленіе находится въ *указѣ* хана Галдана (1677—1697 г.). Такое странное узаконеніе (дающее право подданнымъ оспаривать законъ послѣ его изданія) можно лишь отчасти объяснить тѣмъ, что въ то время калмыцкая федерація не достигла еще полной формы единодержавія и прочіе ханы—члены федераціи все еще могли считать себя равными законодателю. Но это объясненіе годится лишь отчасти, потому что позволеніе обсуждать законъ обращено не къ однимъ ханамъ, но ко всему населенію.

Не менѣе оригиналенъ законъ объ общественномъ призрѣніи бѣдныхъ (ст. 153—154): каждый старшина деревни долженъ бѣдныхъ и убогихъ людей своего вѣдомства питать; если онъ будетъ не въ состояніи это исполнить, то долженъ представить о томъ зайсану (старшинѣ „отока“). Если и зайсанъ не найдетъ средствъ, должны донести хану. Если же кто (изъ лицъ обязанныхъ общественнымъ положеніемъ), имѣя средства, убогихъ людей питать не будетъ, и отъ того кто-либо умретъ голодною смертію, то взять съ виновнаго штрафъ положенный за убійство человѣка.—Это можно объяснить тѣснымъ родовымъ устройствомъ калмыцкаго ханства, при чемъ правители считаются патріархами и отцами подчиненныхъ, но другіе народы, въ патріархальныя времена ихъ жизни, не создали такого оригинальнаго постановленія.

Родовой характеръ общественнаго строя не помѣшалъ калмыцкому законодательству включить слѣдующую статью (39): „Кто своего *учителя*, или отца, или матерь побьетъ, и съ онаго взять за большіе побои 27, за средніе побои 18, а за малые побои 9 скотинъ“. Т. е. учитель уравнивается и даже стоитъ впереди отца и матери при карательномъ огражденіи ихъ отъ оскорбленій со стороны ученика или сына. Слово: учитель нужно понимать здѣсь въ буквальномъ смыслѣ; Палласъ перевелъ „Lehrmeister“.

Родовая организація общества, какъ извѣстно, включаетъ рабовъ въ семью подъ общимъ понятіемъ челяди (то приравнивая положеніе дѣтей и женъ къ положенію рабовъ, то наоборотъ, смотря по духу народа). Этимъ объясняется, что монгольскій уставъ полагаетъ (ст. 42) довольно высокое наказаніе за убійство своего раба (45 скотинъ) и рабыни (27 скотинъ), и что тотъ же уставъ совершенно приравниваетъ по наказанію (ст. 43) убійство своей жены (впрочемъ покинутой) къ убійству раба (45 скотинъ). Извѣстно, что древне-русское право не

полагало никакого наказанія за убійство собственнаго раба и умалчивало объ убіеніи жены.

Этимъ же объясняется довольно значительное вмѣшательство закона въ семейную сферу; законъ точно опредѣляетъ какъ количество колыма (платы за невѣсту), смотря по рангу отца ея (ст. 47 а), такъ и приданаго, опредѣляетъ точно брачный возрастъ невѣсты (14 л.), предписываетъ каждый годъ изъ 40 кибитокъ женить 4-хъ человѣкъ холостыхъ, изъ которыхъ каждому въ платѣ за невѣсту должны помогать 10 семействъ. А если кто не женится по отсутствію помощи со стороны общества, то съ виновнаго десятка кибитокъ брать штрафъ —2 верблюда, 5 лошадей и 10 овецъ (ibid. б). Законъ точно опредѣляетъ величину неустойки, если бракъ не состоится послѣ сговора (ст. 51); онъ предписываетъ (Палласа ст. 46) штрафъ съ родителей невѣсты, оказавшейся нецѣломудренною въ пользу жениха, и наоборотъ родителямъ отъ жениха, если виновникомъ проступка окажется онъ самъ.

Извѣстно, что древне-русское законодательство (свѣтское) вовсе не касалось семейной сферы; оно напр. никогда не опредѣляло величины приданаго, предоставляло опредѣленіе неустойки при несостоявшемся бракѣ брачнымъ контрактамъ (ряднымъ записямъ) и т. п.

Тотъ же родовой характеръ монгольскаго общества объясняетъ, что усыновленный, при наличности естественнаго отца, можетъ отойти отъ усыновителя къ отцу, но жену и дѣтей своихъ усыновленный долженъ *выкупить* (ст. 52). Т. е. патріархальный домовладыка владѣетъ не только своими естественными дѣтьми и усыновленными, но и ихъ женами и дѣтьми на правахъ господина.

Законъ назначаетъ точныя цифры платы мужу, который разводится съ своею женою (правильнѣе—прогоняетъ) отъ другаго, который желаетъ на ней жениться, а именно за хорошенькую—какую-либо цѣнную вещь и 8 штукъ скота, за посредственную—5 штукъ, „за безобразную—одну лошадь (Палласа ст. 113; въ русскомъ переводѣ совершенно перепутано).

Къ числу оригинальностей калмыцкаго права относится опредѣленіе отвѣтственности за вредъ (damnum), причиненный другому, напр.: „Ежели бѣшеной человѣкъ кого умертвитъ, то съ наслѣдниковъ онаго наслѣдникамъ умершаго взять 50 барановъ“ (ст. 59). Быть можетъ здѣсь подразумѣвается, что наслѣдники бѣшенаго суть его ближайшіе

члены семьи, обязанные смотрѣть за нимъ. Но вотъ гдѣ уже трудно доискаться какого либо резона: „А буде кто бѣшенаго человѣка убьетъ до смерти, то за онаго наслѣдникамъ убитаго взять съ убійцы 45 скотинъ“ (ст. 60); а равно и въ слѣдующей ст.: „Ежели *съ чьихъ горъ* отъ ходящаго по нимъ скота съ хозяиномъ свалится камень и убьетъ человѣка до смерти, то *съ владѣльца тѣхъ горъ* и скота взять за убитаго человѣка“ столько-то (ст. 61). Здѣсь еще можетъ быть имѣется въ виду главнымъ образомъ неосторожность хозяина скота, хотя законъ настойчиво упираетъ на владѣніе горами, какъ на основаніе отвѣтственности. Но въ слѣд. затѣмъ статьѣ совсѣмъ нельзя найти основаній для отвѣтственности: „А буде по пустымъ горамъ ходящій скотъ безъ хозяина обвалитъ камень и тѣмъ убьетъ человѣка до смерти, то изъ того скота наслѣдникамъ убитаго взять одну скотину“ (ст. 62).

Къ числу болѣе курьезовъ, чѣмъ оригинальностей относится слѣдующая статья (русскій текстъ 101), которую мы рѣшаемся передать лишь въ нѣмецкомъ текстѣ: „Wer einer Jungfer an die Brüste oder sonst an unziemliche Orte greift; sie küst oder betastet, der solle, wenns darüber zur Klage komt, von seinem Ankläger offentlich an seinem heimlichen Theil einem Schneller leiden. Diese Strafe aber bezieht sich nur auf Mädgen über zehn Jahr“....

Но національная оригинальность составляетъ лишь одну сторону дѣла. При ней, и подъ условіемъ ея, наблюдаются яркія черты сходства права народовъ весьма различныхъ въ племенномъ и культурномъ отношеніяхъ. Ограничимся сравненіемъ монгольскаго памятника съ древнерусскимъ правомъ до-монгольской эпохи.

Возьмемъ для примѣра слѣдующія постановленія:

Монг. Уставъ ст. 1-я: „Если кто разбойнически нападетъ изъ нашихъ на какой либо улусъ и знатную часть онаго разоритъ и людей побьетъ до смерти и имѣніе ихъ возметъ; то противу онаго соединяться мунгуламъ и калмыкамъ и только самого того оставить, а прочее все его имѣніе, раздѣля на двѣ части, одну изъ того отдать разореннымъ, а другую раздѣлить по себѣ“.

Рус. Правда ст. 5 (Кар. сп.) „Боудеть ли стоялъ на разбои безо всякыя свады, то за разбоиника люди не платять, но выдадоуть самого всего и съ женою и зъ дѣтми на потокъ и на разграбление“.

Сущность потока и разграбленія и тутъ и тамъ совершенно тождественна; только монгольскій уставъ нѣсколько мягче: отдавая на

разграбленіе имущество, онъ оставляетъ неприкосновеннымъ лицо преступника и его семью. Но что у монголовъ практиковался также и полный потокъ (и разграбленіе), это видно изъ наказанія за одинъ изъ видовъ земской измѣны:

Ст. 16. „Кто увидитъ приближеніе великаго непріятеля, или о томъ чрезъ кого увѣдаетъ, да другимъ не объявитъ, и того съ дѣтьми и внучаты разорить и самаго его со всею фамиліею умертвить". По тексту Палласа это узаконеніе принимаетъ совершенно другой видъ: „...„Dessen Haabe soll geplündert und er mit den seinigen zum Sklaven gemacht werden". Сейчасъ мы увидимъ, что Палласъ вездѣ именно такъ изъясняетъ разореніе. Нужно отдать предпочтеніе тексту Палласа; по мнѣнію Ѳ. И. Леонтовича, „переводъ Палласа стоитъ гораздо выше русскаго" (стр. 6). И въ настоящемъ случаѣ онъ сообразенъ съ сущностью дѣла. Но если даже опереться и на русскій текстъ, то извѣстно, что и на Руси потокъ перешелъ въ смертную казнь и даже въ древнѣйшее время могъ имѣть значеніе смертной казни (Новгородская расправа съ измѣнниками на вѣчѣ).

Монг. Уст. 87—88. „Кто по злобѣ пуститъ пожаръ, и за то съ таковымъ чинить по нижеслѣдующему: буде пожаромъ умертвитъ знатнаго человѣка, и за то зажигателя совсѣмъ разорить"....

Рус. Пр. ст. 97: „Аще кто зажьжетъ гумно, то на потокъ и на грабежь домъ его, преже пагоубу росплативши, а въ процѣ князю поточити; такоже кто дворъ зажжетъ".

Здѣсь разница только въ томъ, что монгольскій уставъ различаетъ вредныя послѣдствія пожара для жизни обывателей и вообще мало обращаетъ вниманія на самое истребленіе недвижимаго имущества, очевидно потому, что у кочевниковъ собственно нѣтъ недвижимыхъ зданій и жилища ихъ малоцѣнны.

Слово: „разорить", часто встрѣчающееся въ монгольскомъ Уст., въ нѣмецкой редакціи Палласса (ст. 136) замѣняется слѣдующимъ изложеніемъ: преступникъ „теряетъ жену, дѣтей и все имущество и обращается въ рабство". И эта форма потока совершенно согласна съ древнѣйшими русскими узаконеніями: см. Догов. Смол. съ Нѣм. 1229 г. ст. 11: „отимьть князѣ все, жену и дѣти у холопство".

Такимъ образомъ, потокъ и разграбленіе полагаются въ монгольскомъ Уставѣ, совершенно согласно съ Русскою Правдою, за разбой и

поджогъ; сверхъ того за земскую измѣну, согласно съ древнею Новгородскою практикою, за троекратную татьбу и за отцеубійство („убійцу лишить жены и дѣтей и всего имѣнія“; объ отцеубійствѣ древнѣйшее русское право молчитъ), и наконецъ, за оскорбленіе величества (хана) (ст. 25).

Монг. Уст., ст. 8: „Ежели кто человѣка убьетъ, и за то съ онаго взять великой штрафъ, т. е. тысячу овецъ“.

Рус. Пр. ст. 1: „Аще убіеть кто мужа..., то положитъ за голову 80 гривенъ“.

Т. е. вира за убійство одинаково практикуется какъ въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ, такъ и въ монгольскомъ (великій штрафъ равняется русской вирѣ).

Въ текстѣ Палласа есть статья вполнѣ напоминающая древнерусскую дикую виру (ст. 53), почему въ указателѣ Ѳ. И. Леонтовича этотъ институтъ и названъ прямо „дикая вира“ (стр. 156).

Монг. Уст. ст. 89 (вторая пол.): „Ежели кто украденнаго у себя скота слѣдъ приведетъ въ чей улусъ, и въ томъ надлежитъ имѣть три примѣчанія: 1) буде тотъ слѣдъ, приведенный въ чей улусъ, осмотрѣли знатные свидѣтели, то взять съ того улуса [1]) за кражу скота; 2) А ежели знатныхъ свидѣтелей не будетъ, въ томъ поступать по разсмотрѣнію суда. 3) Буде же только однимъ истцомъ въ какой аймакъ [2]) слѣдъ будетъ приведенъ, и въ томъ невинность того аймака командующій долженъ засвидѣтельствовать присягою, учиненною въ присутствіи зайсангъ, а зайсангъ—при присутствіи своего владѣльца. А буде командующій къ присягѣ не пойдетъ, то онъ долженъ вора показать, котораго штрафовать по вышепостановленному; также и съ того командующаго, хотябъ онъ той кражѣ причастенъ не былъ, за слабое его смотрѣніе, взять одну жестокую вещь и 8 скотинъ.

Ст. 122. „Кому случится гнать слѣдомъ покраденнаго у него скота (по Палласу: „nach einem Dorfe), а предъ нимъ кто другіе тотъ

---

[1]) Вообще группа людей, живущихъ вмѣстѣ (народъ, племя, дружина, родъ); въ частности однокочевье—деревня.

[2]) „Аймакъ, называвшійся также Цисай, обозначалъ часть рода (отока) и состоялъ изъ нѣсколькихъ хотоновъ или группъ близко родственныхъ между собой семействъ, кочующихъ нераздѣльно въ данной мѣстности“. (Указатель Ѳ. И. Леонтовича).

слѣдъ замнутъ, и за тѣхъ, буде они невѣдѣніемъ учинятъ, долженъ ясашный сборщикъ дать присягу; а ежели присяги не дастъ, и за то взять съ перваго, которой слѣдъ помнетъ, пять скотинъ, а съ другихъ, сколько бы ихъ при томъ не было, съ каждаго по одной лошади, на которыхъ они тогда случатся". (У Палласа вся статья изложена иначе: „если зимою слѣдъ украденнаго по снѣгу приведетъ къ какой-нибудь деревнѣ, то старшина деревни (schülünga) долженъ принести присягу въ невинности своихъ людей; если никакого доказательства невиновности представлено не будетъ, то вся деревня признается виновною въ воровствѣ и каждый житель долженъ заплатить штрафъ въ одну лошадь").

Русская Правда ст. 88: Не боудеть ли татя, то по слѣду женоуть; аже боудеть слѣдъ къ селу или товару [1]), а не отсочать отъ себя слѣду и ни идоуть на слѣдъ, или отобьются, то тѣмъ платити и татьба и продажа, а слѣдъ гонить съ чюжими людми и съ послоухы; а еже погоубять слѣдъ на гостинци на велицѣ, а села не будеть, или на поустѣ, гдѣ же не будеть ни села ни люди, то не платити ни продажи ни татьбы".

Ст. 80. ....„По верви искати къ собѣ татя, а любо продажа платити".

Итакъ и по монгольскому праву и по праву Русской Правды слѣдъ, приведшій къ кочевью или къ селу и не отведенный, указываетъ на присутствіе вора и обязываетъ улусъ или товаръ или найти среди себя вора и выдать, или уплатить и частное вознагражденіе и уголовный штрафъ. По этому поводу (въ Указателѣ: „гоненіе слѣда") Ѳ. И. Леонтовичъ справедливо замѣтилъ: „институтъ вполнѣ сходный съ подобнымъ же процессуальнымъ институтомъ Русской Правды по искамъ о татьбѣ и проч.".

Монгольскій Уставъ ст. 91—92. „Ежели у кого въ стадѣ явится чужой скотъ, то хозяинъ того стада долженъ черезъ три дни о томъ объяленіе учинить, и потомъ на ономъ скотѣ ѣздить. А буде безъ объявленія и до прошествія трехъ дней станетъ на томъ скотѣ ѣздить, и за то съ него хозяину того скота взять трехлѣтнюю кобылу".

---

[1]) Товаръ—становище скотопромышленниковъ, торговой караванъ, вообще кочевая группа.

Русская Правда ст. 27—28 „Оже челядинъ крыется, а закличютъ и съ торгу, а за три дни не выведуть его, а познаютъ и въ 3 день, то свои челядинъ пояти, а оному платити 3 гривны продажи". „Аще кто въсядеть на чюжъ конь не прошавъ, то 3 гривны продажи".

Хотя въ Русской Правдѣ въ 1-й ст. рѣчь идетъ только о челядинѣ, а въ монгольскомъ Уставѣ о скотѣ, но это не дѣлаетъ никакой разницы въ сущности постановленія: передержательство чужой вещи болѣе 3-хъ дней влечетъ уполовный штрафъ за кражу.

Монгольскій Уставъ ст. 98. „А ежели кто отдеретъ у кого на шапкѣ кисть, или выдеретъ съ головы его косу, и за то съ того человѣка взять пять скотинъ, а за выдраніе бороды и уса лошадь и барана".

Русская Правда Ак. сп. ст. 7: „А во усѣ—12 гривнѣ, а въ бородѣ—12 гривнѣ".

Здѣсь хотя монгольскій Уставъ не ставитъ такъ высоко нападеніе на бороду и усы, какъ Русская Правда (высшая продажа—12 грив.),—однако считаетъ нужнымъ отмѣтить особо это преступленіе и полагаетъ вообще—штрафъ не малый, а именно такой же, какъ за слѣдующія преступленія: кто знатному человѣку плюнетъ въ лицо, броситъ въ него землею, ударитъ по головѣ плетью лошадь, на которой онъ ѣдетъ, и потянетъ съ лошади за полу (ст 99). Замѣтимъ мимоходомъ, что монгольскій Уставъ открываетъ дорогу къ правильному толкованію параллельной статьи Русской Правды, именно подтверждаетъ наше изъясненіе (см. Христом. по ист. рус. пр. Вып. I, изд 2-е стр. 24—25), что здѣсь на первомъ планѣ стоитъ оскорбленіе чести, а не причиненіе тѣлеснаго вреда, между тѣмъ какъ, опровергая это наше мнѣніе, г. Суховъ старался уяснить высоту штрафа за поврежденіе бороды и усовъ злонамѣренностью дѣянія. Мы уже имѣли случай замѣтить, что трудно согласиться, что бороду и усы рвутъ всегда съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, безъ увлеченія въ пылу ссоры, а напр. палецъ рубятъ только въ ссорѣ, безъ предварительнаго умысла. Монгольскій уставъ рѣшаетъ дѣло окончательно, сопоставивъ порчу бороды и уса съ оторваніемъ кисти на шапкѣ. Русскіе чтили преимущественно бороду и усы, а монголы въ той же мѣрѣ сверхъ того косу на головѣ и кисть на шапкѣ.

Монгольскій Уставъ ст. 102 (втор. полов.) „А буде кто у кого

здоровый глазъ или зубъ вышибетъ, и за то съ опаго взять половину того, что за убитіе человѣка положено".

Русская Правда (Кар. сп.) *ст. 79*: „Оже выбьють заубъ.., то 12 гривенъ продажи; за зоубъ взять ему гривна".

Монгольскій Уставъ ставитъ за выбитіе зуба полувирье, Русская Правда позднѣйшей редакціи высшую продажу 12 гривенъ. Древнѣйшая Правда молчитъ о выбитіи зуба, но за увѣчье другаго рода полагаетъ такое же возмездіе, какъ и за убійство; позднѣйшая Правда—полувирье—20 гривенъ.

Можно бы продолжить эти параллели между памятниками, но и приведеннаго мы считаемъ достаточнымъ для увѣренія въ той мысли, что азіатскіе народцы XVII в. жили въ условіяхъ почти одинаковыхъ съ Русскими XI—XII вв., что и выразилось въ сходствѣ ихъ узаконеній безъ всякаго непосредственнаго заимствованія другъ отъ друга.

Но не можемъ не отмѣтить другихъ чертъ сходства монгольскаго права съ русскимъ, имѣя въ виду другіе памятники, кромѣ Русской Правды. Таковы постановленія монгольскаго Устава:

1) О выдачѣ головою несостоятельнаго преступника потерпѣвшему отъ преступленія (ст. 113). Такое явленіе свойственно одинаково какъ литовско-русскому, такъ и московскому праву и лишь съ XVI в. право государства на наказаніе преступника начинаетъ преимуществовать предъ правомъ частнаго истца на вознагражденіе убытка.

2) Таковъ же обычай троекратнаго вызова на судъ отвѣтчика (ст. 137); при этомъ монгольскій Уставъ во многомъ изъясняетъ темные порядки вызова по древнѣйшему праву русскому; статья этого устава отчетливо говоритъ, что вызовъ совершается первоначально самимъ истцомъ безъ участія органовъ общественной власти: „Кто имѣетъ съ кѣмъ судиться, и оной соперника своего троекратно при свидѣтельствѣ долженъ звать съ собою въ судъ".... Лишь въ случаѣ неявки послѣ троекратнаго вызова, судъ, по жалобѣ истца, отправляетъ посыльщика. Измѣненіе этого въ троекратный вызовъ отъ суда съ послѣдствіями потери дѣла для неявившагося совершено въ болѣе позднемъ узаконеніи монголовъ (ст. 160).

3) Таково буквальное сходство (въ началѣ) статьи монгольскаго Устава 148-й съ статьею 36-ю Иск. Суд. Грам.: „Кто узнаетъ у кого свою украденную скотину или какую вещь, и тотъ человѣкъ скажетъ, что онъ то купилъ, а продавца сыскать не можетъ, и въ той своей

покупкѣ представитъ свидѣтель тво.—и такую скотину или вещь тому, который ее купилъ, и другому, у кого она пропала, раздѣлить по пополамъ". *Псковская Судная Грамота.* „А которой человѣкъ у человѣка знаетъ свое или изгибшее, а тому молвитъ то слово: купилъ есми на торгу, а тогожъ есми не знаю, у кого купилъ, ино ему правда дать (по 56-й ст. Иск. Судн. Гр. присяга дается лишь при отсутствіи свидѣтелей) на томъ, что чисто будетъ, на торгу купилъ, а съ татемъ не подѣлился, а не поставитъ его, а самъ не укралъ, ни пословицы не было будетъ, ино тотъ не доискался".

При этомъ монгольскій Уставъ въ замѣнъ нелѣпаго конца Псковской Судной Грамоты ставитъ то, что постоянно практикуется въ живомъ обычномъ правѣ русскомъ, и извѣстно подъ формулою „грѣхъ по полямъ".

4) Въ томъ же смыслѣ интересно постановленіе Устава (ст. 156, Добавл.) о томъ, что троекратная татьба ведетъ къ высшему уголовному наказанію, согершенно согласно съ древнѣйшими и болѣе поздними узаконеніями русскими объ этомъ; тогда какъ въ Судебникахъ, въ которыхъ предполагается наибольшее заимствованіе изъ монгольскихъ источниковъ, сдѣлано отступленіе отъ этого извѣстнаго принципа и къ высшей мѣрѣ наказанія вела вторичная татьба.

5) Существованіе строгой круговой поруки по дѣламъ уголовнымъ между жителями одной общины, присуще и монгольскому праву (ст. 155), какъ древне-русскому, славянскому и древне-нѣмецкому: если въ десяткѣ (кибиткѣ) совершено воровство, а десятскій о томъ не объявитъ то полагается у него отрубить пер ты рукъ, а прочихъ того десятка людей наказать скованіемъ въ желѣза.

Такимъ образомъ сходство монгольскихъ узаконеній съ древнерусскими обнимаетъ всѣ существенныя стороны права, обыкновенно составлявшія содержаніе памятниковъ древняго права. Почти всѣ собранныя нами черты, относятся къ области уголовнаго права, но извѣстно что уголовными по тановленіями исчерпывались почти всѣ древніе законы. И монгольскій Уставъ, нынѣ изданный Ѳ. П. Леонтовичемъ, отнюдь не составляетъ исключенія.

Но это сходство институтовъ права, составляющихъ иногда лишь подробности и частности, могло-бы кому либо показаться случайнымъ и неоучительнымъ. Болѣе интересно сходство въ характерѣ древнихъ узаконеній. Развертывая въ первый разъ книгу, заключающую въ

себѣ законы монгольскіе, читатель уже предупрежденъ извѣстнымъ ему характеромъ монгольщины и ожидаетъ, что каждая страница этихъ законовъ будетъ пахнуть кровію, каждая статья ихъ будетъ заключать въ себѣ если не смертную казнь, то увѣчье, пытку, позоръ и кнутъ. Но онъ тотчасъ же пріятно разочаровывается. Въ Уставѣ 1640 г Смертная казнь полагается по русскому переводу два раза: за одинъ изъ видовъ земской измѣны (какъ мы видѣли) и притомъ вполнѣ варварская, именно казнь преступника со всею его семьею, конечно невинною. Но мы видѣли также, что по тексту Палласа здѣсь нужно разумѣть совсѣмъ другое наказаніе, именно потокъ (обращеніе всего семейства въ рабство) и полное разграбленіе (конфискацію) имущества. Второй несомнѣнный случай постановленія смертной казни (ст. 14), это за оставленіе безъ защиты (быть можетъ предательство) князя во время битвы.

Затѣмъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, за всѣ преступленія (кромѣ разбоя и поджога), полагаются имущественныя взысканія, а именно: за убійство, увѣчье (ст. 77), нанесеніе ранъ (ст. 96), побоевъ (ст. 34), безчестья (ст. 21 и 25—30), за татьбу, незаконное пользованіе чужою вещью, грабежъ, прелюбодѣяніе (ст. 92), изнасилованіе (ibid.) и скотоложство (ст. 94). Во всѣхъ этихъ случаяхъ, кромѣ частнаго вознагражденія потерпѣвшему или его родственникамъ слѣдуетъ уголовный имущественный штрафъ.

Тѣлесныхъ наказаній, членовредительныхъ и просто болѣзненныхъ нѣтъ Кнута нѣтъ въ отечествѣ кнута. Только въ одномъ случаѣ (въ случаѣ убійства одною женою извѣстнаго человѣка другой его жены) предписывается или отрѣзать преступницѣ ухо, или она должна уплатить вину. Но и здѣсь членовредительное наказаніе является лишь альтернативою имущественнаго и выборъ между тѣмъ и другимъ предоставляется мужу (ст. 44). Соотвѣтствующая статья текста Палласа излагаетъ дѣло иначе: если по несчастному случаю (unglücklicher Weise) жена убьетъ мужа, или одна жена—другую, то слѣдуетъ судить по указанію обстоятельствъ и въ самомъ тяжкомъ случаѣ лишить преступницу носа, глазъ и ушей и обратить ее въ рабство (ст. 37). Русскій текстъ молчитъ объ этомъ. Въ первый разъ появляются членовредительныя наказанія въ позднѣйшихъ добавленіяхъ къ Уставу 1640 г. (мы видѣли, что старшина деревни, укрывшей вора, наказывается отнятіемъ пальцевъ на обѣихъ рукахъ). Но болѣзненныхъ наказаній нѣтъ и въ позднѣйшихъ припискахъ.

Тогда же появляется въ первый разъ и лишеніе свободы, какъ наказаніе (ст. 155).

Такой умѣренной системы наказаній отнюдь нельзя приписать спеціально характеру народа, который заявилъ себя иначе въ разныхъ случаяхъ его исторической жизни. Эта система есть общая система имущественныхъ взысканій у всѣхъ первобытныхъ народовъ.

Если обратиться къ чертамъ татарскаго государственнаго устройства, о которыхъ получаются свѣдѣнія не изъ памятника, изданнаго нынѣ Θ. И. Леонтовичемъ, а изъ другихъ источниковъ, то мы найдемъ и здѣсь явленія напоминающія древне-русскій, вѣчевой періодъ. Таково монгольское вѣче (хурулъ), различное по своему составу и объему; напр. вѣче духовныхъ лицъ, состоящее или изъ духовенства одного округа, собираемое вокругъ мѣстнаго буддійскаго капища, или великое духовное вѣче (like Churull), въ чрезвычайныхъ случаяхъ, при ставкѣ главнаго вождя, состоявшее изъ духовныхъ лицъ всей орды. Свѣтскія вѣча или сеймы—„курилтаи“ состояли изъ князей и родоначальниковъ и собирались въ цѣлой Ордѣ для рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ, напр. для избранія хана, для составленія, или утвержденія законовъ (какъ и составленъ самый уставъ 1640 года). Сверхъ того въ каждомъ отокѣ (волости) были свои вѣчевыя собранія, что отчасти сохранилось и до нынѣ у калмыковъ (см. Θ. И. Леонтовича, разсматр. книги стр. 176, указатель подъ словомъ „хурулъ“). Всѣ эти черты юнаго государственнаго строя имѣютъ мало общаго съ мрачными чертами устарѣвшихъ восточныхъ деспотій, и уже совсѣмъ не напоминаютъ порядковъ Московскаго государства XIV—XV вв.

Ниодной изъ указанныхъ выше сходныхъ чертъ нельзя объяснять заимствованіемъ въ древне-русское право (вѣчеваго періода) изъ монгольскаго, или наоборотъ. Θ. И. Леонтовичъ, въ своемъ курсѣ „Исторіи русскаго права“ (Вып. I, Одесса. 1869 г.), справедливо говоритъ: „Первые изслѣдователи русской старины завѣщали намъ методъ изслѣдованія историческихъ явленій путемъ объясненія ихъ посторонними, чуждыми началами.... Не было такихъ отношеній древне-русской жизни, въ которыхъ бы не видѣли вліянія или просто заимствованія у нѣмцевъ. Не всѣ впрочемъ увлекались нѣмцами; были послѣдователи другихъ вліяній, напр. византійскихъ“. Затѣмъ авторъ приводитъ слѣдующія правдивыя слова К. Д. Кавелина: „Замѣтитъ ли изслѣдователь какое-нибудь сходство между нашимъ обычаемъ и еврей-

скимъ, онъ смѣло и не обинуясь говоритъ, что обычай этотъ заимствованъ у евреевъ;—съ греческимъ или римскимъ—отъ грековъ или римлянъ;—съ персидскимъ, индійскимъ—отъ персовъ, индусовъ. Нѣтъ исторической невозможности, очевидной нелѣпости, чрезъ которую храбро не перепрыгивали археологи, только чтобы вывести нашъ древній бытъ за тридевять земель изъ тридесятаго государства" (Соч. Кавелина IV, стр. 43). Наконецъ Ѳ. И. Леонтовичъ заключаетъ: „мысль о заимствованіяхъ чуждыхъ учрежденій однимъ народомъ у другихъ признана ложной, выясняется идея органическаго развитія народной жизни изъ собственныхъ творческихъ силъ и элементовъ, безъ посторонніихъ, чуждыхъ вліяній и наносовъ" (Ист. рус. пр., Вып. I, стр. 48—50).

Такія мысли выразилъ нашъ авторъ 10 лѣтъ тому назадъ. Нынѣ (въ разсматриваемой книгѣ) онъ дѣлаетъ значительное отступленіе отъ нихъ; теперь онъ настаиваетъ на присутствіи въ русской исторіи „внѣшней силы, неотразимо вліявшей на созданіе и упроченіе иного порядка жизни, *почти ни въ чемъ* уже не напоминающей старую „земскую жизнь народа. Такой внѣшней силой было монгольство"... (стр. 250). Онъ именно настаиваетъ на *заимствованіи* русскими у монголовъ цѣлыхъ учрежденій, и притомъ заимствованіи не только бытовомъ (изъ жизни), но и законодательномъ (изъ уставовъ монгольскихъ). Въ этомъ онъ очевидно усматриваетъ послѣднее и главнѣйшее значеніе для науки издаваемаго имъ памятника, почему и присоединяетъ (въ „Добавленіяхъ") довольно пространный отдѣлъ своей книги: „О монгольскихъ вліяніяхъ въ древне-русскомъ правѣ" (стр. 248—275). Безъ сомнѣнія, съ точки зрѣнія русской науки, это есть важнѣйшая часть его книги.

Условимся въ понятіяхъ: термины—„вліяніе и заимствованіе" нерѣдко, но совершенно неправильно, употребляются безразлично, какъ тождезначащіе. Впрочемъ Ѳ. И. Леонтовичъ почти всегда употребляетъ терминъ—„вліяніе", но изъ того, что онъ разумѣетъ подъ этимъ терминомъ, слѣдовало бы ставить вмѣсто него—заимствованіе. Вліяніемъ называется такое воздѣйствіе одного народа (или лица) на другой (или другое), при которомъ этотъ послѣдній измѣняетъ свой собственный характеръ, но не непремѣнно по образу и по подобію вліяющаго народа или лица. Подъ вліяніемъ скупости отца нерѣдко развивается расточительность сына; подъ деспотическимъ вліяніемъ воспитателя чаще развивается безхарактерность и слабовольніе воспитанника. Народъ

самъ по себѣ свободолюбивый можетъ быть деспотомъ въ отношеніи къ покореннымъ имъ народамъ и отнюдь не можетъ развивать въ нихъ чувства и привычки свободы, что можно видѣть въ примѣрѣ древнихъ Аѳинянъ и отчасти въ примѣрѣ современной Англіи. Подъ вліяніемъ гоненія со стороны европейскихъ народовъ развились у евреевъ всѣмъ извѣстныя черты корыстолюбія, религіознаго формализма и узкой исключительности. Развѣ эти черты заимствованы евреями у европейцевъ? Итакъ вліяніе есть актъ невольный, возможный только при преобладаніи одного народа надъ другимъ и отнюдь не можетъ непремѣнно указывать на сходство характеровъ и учрежденій двухъ народовъ.

Заимствованіе напротивъ, есть актъ свободный и само собою разумѣется, прямо указываетъ на тождество характеровъ или учрежденій.

Кто можетъ сомнѣваться въ сильнѣйшемъ вліяніи татаръ на Русь въ XIII и XIV вѣкахъ?

Возьмемъ отрицательную сторону этого вліянія: русскій народъ, подъ вліяніемъ татарщины, дошелъ до исключительной, старовѣрческой преданности своимъ религіознымъ началамъ и до узкой исключительности національной. Развѣ преданность православію и своей народности могли быть заимствованы у татаръ? Но точно также, помимо всякаго заимствованія, развились въ сѣверно-русскомъ народѣ тѣ мрачныя черты государственности и права, въ которыхъ находятъ сходство (болѣе или менѣе отдаленное) съ однородными чертами татарскаго государства и права. Смѣемъ думать, что до сихъ поръ никто правильнѣе Карамзина не опредѣлялъ значенія т. н. монгольскаго ига на Руси. „Сѣнь варварства, говоритъ онъ, омрачивъ горизонтъ Россіи, сокрыла отъ насъ Европу въ то самое время, когда благодѣтельныя свѣдѣнія и навыки болѣе и болѣе въ ней размножались, народъ освобождался отъ рабства, города входили въ тѣсную связь между собою для взаимной защиты въ утѣсненіяхъ...; возникали университеты для высшихъ наукъ..., нравы смягчались...; дворянство уже стыдилось разбоевъ.... Въ сіе же время Россія, терзаемая монголами, напрягала силы свои единственно для того, чтобы не изчезнуть; намъ было не до просвѣщенія!....

„Что долженствовало быть слѣдствіемъ? Нравственное униженіе людей. Забывъ гордость народную, мы выучились низкимъ хитростямъ рабства, замѣняющимъ силы въ слабыхъ; обманывая татаръ, болѣе обманывали и другъ друга; откупаясь отъ насилія варваровъ, стали корыстолюбивѣе и безчувственнѣе къ обидамъ, къ стыду... Сила каза-

залась правомъ; кто могъ грабилъ,—не только чужіе, но и свои.... Когда же сія ужасная тьма неустройства начала проясняться, оцѣпенѣніе миновало, и законъ, духъ гражданскихъ обществъ, воспрянулъ отъ мертваго сна; тогда надлежало прибѣгнуть къ строгости неизвѣстной древнимъ россіянамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что жестокія судныя казни означаютъ ожесточеніе сердецъ и бываютъ слѣдствіемъ частыхъ злодѣяній. Добросердечный Мономахъ говорилъ дѣтямъ: „не убивайте виновнаго; жизнь христіанина священна“; не менѣе добросердечный побѣдитель Мамаевъ Димитрій устарилъ торжественную смертную казнь... Иго татарское ввело тѣлесныя наказанія; за первую кражу клеймили, за вины государственныя сѣкли кнутомъ... Мы видѣли злодѣянія и въ нашей древней исторіи; но сіи времена представляютъ намъ черты гораздо ужаснѣйшаго свирѣпства въ изступленіяхъ княжеской и народной злобы; чувство угнетенія, страхъ, ненависть, господствуя въ душахъ, обыкновенно производятъ мрачную суровость въ нравахъ. Свойства народа изъясняются всегда обстоятельствами; однакожъ дѣйствіе часто бываетъ долговременнѣе причины; внуки имѣютъ нѣкоторыя добродѣтели и пороки своихъ дѣдовъ, хотя и живутъ въ другихъ обстоятельствахъ. Можетъ быть, самый пылкій характеръ Россіянъ еще являетъ пятна, возложенныя на него варварствомъ монголовъ“.

„Внутренній государственный порядокъ измѣнился; все, что имѣло видъ свободы и древнихъ гражданскихъ правъ, стѣснилось, исчезало. Князья, смиренно пресмыкаясь къ Ордѣ, возвращались оттуда грозными властелинами; ибо повелѣвали именемъ царя верховнаго. ....Во Владимірѣ и вездѣ, кромѣ Новогорода и Пскова, умолкъ вѣчевый колоколъ, гласъ вышняго народнаго законодательства, столь часто мятежный, но любезный потомству славяно-россовъ. Сіе отличіе и право городовъ древнихъ уже не было достояніемъ новыхъ: ни Москвы, ни Твери, коихъ знаменитость возникла при Монголахъ..“ (Ист. Г. Р. т. V, гл. IV).

Короче мысль Карамзина заключается въ слѣдующемъ: рабство измѣняетъ характеръ порабощенныхъ; новый (рабскій) характеръ населенія ведетъ къ созданію новыхъ учрежденій и паденію старыхъ, которыя были созданы свободомыслящими и свободолюбивыми предками. Татарщина въ русской жизни и правѣ изъясняется самымъ игомъ, порабощеніемъ, а не тѣми учрежденіями, которыя имѣли поработители. За разгадкою русской татарщины нѣтъ надобности отправляться в

самую Орду; она не заключается въ заимствованіи монгольскихъ учрежденій. Поэтому прежніе писатели русской исторіи имѣли полное основаніе не обращаться къ изслѣдованію монгольскаго (правильнѣе татарскаго) государства и права, какъ къ предмету чуждому и стороннему.

Такая мысль находитъ себѣ новое и блистательное подтвержденіе въ памятникѣ, изданномъ Ѳ. И. Леонтовичемъ. Мы не даромъ привели разительныя черты сходства этого памятника съ русскими законами временъ до татарскихъ (и пока не нашли ни одной черты, напоминающей порядки, возникшіе на Руси послѣ татарскаго завоеванія). Монгольщина у себя дома и татарщина на Руси суть явленія совершенно различныя, и нужно сознаться, что первая гораздо симпатичнѣе второй.

Ѳ. И. Леонтовичъ говоритъ не объ этомъ *вліяніи* монгольщины, а о заимствованіи русскими у монголовъ почти всѣхъ существеннѣйшихъ учрежденій государственнаго права (хотя вездѣ называетъ это *вліяніемъ*)—и потому называетъ внутреннія порядки монголовъ ключемъ къ уразумѣнію Московскаго періода русской исторіи. Вотъ его подлинныя слова:

„Въ русской исторіи, какъ это давно уже замѣчено нашими историками, лежитъ какая то непополнимая пропасть между старымъ русскимъ „міромъ“, „землей“ и позднѣйшимъ Московскимъ государствомъ. Монгольское иго, *или лучше сказать, древніе „ойратскіе“ уставы монголовъ* и представляютъ тотъ двухвѣковый мостъ, который выросъ надъ сказанной пропастью въ теченіе монгольской эпохи, и перешагнувъ который русское общество перешло изъ „міра“, въ „государство“, занесло въ него съ собой многое взятое на пути по этому монгольскому мосту“ (стр. 248—249).

Этимъ авторъ вноситъ два новыхъ соображенія въ исторію русскаго государства и въ частности отношеній его къ монгольскому государству и праву; одно касается *способа* вліянія монгольскаго (правильнѣе татарскаго) права на русское, другое—*результатовъ* его.

Ѳ. И. Леонтовичъ утверждаетъ, что оно совершалось чрезъ *письменные законы* монголовъ: „Монгольское иго, или *лучше сказать*, древніе ойратскіе уставы монголовъ“... И потомъ онъ продолжаетъ утверждать, что мысль о монгольскомъ элементѣ въ русскомъ правѣ потому такъ не разработана (хотя и не нова), что мы мало были знакомы съ ойратскими уставами монголовъ (стр. 249).

Это весьма важное соображеніе; если мысль о томъ, что русское право XIII—XV вв. непосредственно черпало изъ законовъ монгольскихъ вѣрна, то мы во многомъ должны измѣнить установившіяся понятія о Московскомъ правѣ. Но первоначально ее слѣдуетъ доказать, чего авторъ, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ, ограничившись замѣчаніемъ, что ойратскіе уставы даютъ возможность полнѣе познакомиться съ древне-монгольскимъ бытомъ и „вмѣстѣ съ тѣмъ“ опредѣлить вѣрнѣе характеръ его вліянія на древне-русское право. Но это уже совершенно другая мысль.

Въ виду недоказанности рецепціи монгольскихъ *уставовъ* въ русское право, и, скажемъ откровенно, въ виду невозможности объяснить этимъ *всю* татарщину въ Московскомъ правѣ, любопытно спросить, не заимствовано ли изъ этихъ уставовъ хотя *что-либо* въ московскомъ правѣ.

Извѣстно, что Московское государство и московскій характеръ сѣверно-русскаго права слагались съ конца XIII в., въ в. XIV и XV. Въ эту эпоху, но не позднѣе могло быть что-либо заимствовано изъ монгольскихъ уставовъ. Но изданный нынѣ О. И. Леонтовичемъ ойратскій уставъ возникъ въ 1640 году. Никакой нѣтъ вѣроятности, чтобы вліяніе его проникло на Русь въ ту эпоху. Даже нѣтъ никакой возможности доказать, что этотъ уставъ, „составленный внѣ предѣловъ тогдашней Россіи и лишь позже перенесенный въ нее, когда калмыки вступили въ русское подданство“ (стр. 19), могъ быть извѣстенъ на Руси до этого послѣдняго событія. Авторъ и не утверждаетъ этого.

Но онъ утверждаетъ, что на Руси могли и должны были знать тѣ уставы, которые послужили источниками калмыцкаго Уложенія 1640. Такіе источники онъ перечисляетъ въ двухъ мѣстахъ своей книги (стр. 13—18 и 188—212). Въ первомъ мѣстѣ онъ говоритъ о нихъ неопредѣленно, ударяя преимущественно на обычное монгольское право, впрочемъ кодифицируемое уже со временъ Чингиза. Во второмъ мѣстѣ онъ перечисляетъ подробнѣе уставы, предшествовавшіе уложенію 1640 года, а именно: великую ясу Чингиза, изреченія Чингиза, мѣстныя малыя ясы, Цааджинъ-Бичикъ XV—XVI в., ханскіе акты (ярлыки, дефтеръ и найзэ) XIII—XVI в., каноническое право (буддійское).

Для нашей цѣли, т. е. для опредѣленія рецепціи законовъ монгольскихъ въ русское право, важнѣе всего Чингисова яса. О мѣстныхъ ясахъ самъ авторъ говоритъ предположительно, склоняясь къ тому

мнѣнію, что это могли быть мѣстные обычаи разныхъ монгольскихъ племенъ. Столь-же мало опредѣленнаго онъ сообщаетъ о Цааджинъ-Бичикѣ, относя его къ XIV—XV вѣк. лишь на томъ основаніи, что нѣкоторые фрагменты этого памятника, по своему содержанію, не соотвѣтствуютъ ученію буддизма, который принятъ монголами въ концѣ XVI в. Но если и такъ, уставъ, извѣстный подъ именемъ Цааджинъ-Бичикъ, могъ появиться и не въ XIV, и не въ XV, а въ XVI, даже во 2-й половинѣ его. Что касается до ярлыковъ, то это частные указы, издаваемые по мѣстнымъ и частнымъ поводамъ. Значеніе ханскихъ ярлыковъ въ русскомъ правѣ уже опредѣлено достаточно. О буддійскомъ религіозномъ говорить здѣсь нечего.

Ѳ. П. Леонтовичъ собралъ достаточныя доказательства того, что Чингизъ дѣйствительно издалъ письменное уложеніе (вырѣзанное на металлѣ). За то остается весьма сомнительнымъ не только усвоеніе его въ русскомъ правѣ, но и знакомство съ нимъ на Руси. Онъ самъ упоминаетъ о „свидѣтельствѣ монгольскихъ лѣтописцевъ и историковъ XIII и начала XIV в. о томъ, что уже въ ихъ время Чингизова яса стала приходить въ забвеніе“ (стр. 201; см. также стр. 190). Вѣроятно ли, что законъ, забытый у самихъ монголовъ въ XIII в., усвоенъ на Руси, завоеванной татарами въ XIII в.?

Отъ Чингисовой ясы уцѣлѣли многіе фрагменты (собранные на русскомъ языкѣ Березинымъ въ „Очеркѣ внутренняго устройства Джучіева улуса“) и повторенные Ѳ. П. Леонтовичемъ (стр. 190—195). Изъ нихъ всякій можетъ убѣдиться, что уложеніе Чингиза, какъ и всякое древнѣйшее уложеніе, касается преимущественно уголовнаго и гражданскаго грава и лишь въ самой незначительной степени государственнаго. О вліяніи монгольщины въ первыхъ двухъ сферахъ права авторъ особенно не настаиваетъ. Въ частности, относительно уголовнаго права именно говоритъ (стр. 271), что въ судебникахъ и грамотахъ Московскихъ князей лишь санкціонировались (его терминъ) порядки, введенные въ русскую жизнь монгольскою практикою („что издавна практиковалась въ жизни“). Относительно гражданскаго права онъ самъ утверждаетъ, что вліяніе монголовъ отразилось „меньше всего въ сферѣ отношеній частно-правныхъ (стр. 273).

Что же касается институтовъ государственнаго права, то признаемся, что во фрагментахъ Чингизовой ясы мы не нашли ничего, дѣйствительно указывающаго на позднѣйшіе порядки Московскаго госу-

дарства. Авторъ, особымъ примѣчаніемъ ударяетъ на 24-й фрагментъ, который состоитъ въ слѣдующемъ: „Онъ (Чингизъ-ханъ) запретилъ эмирамъ обращаться къ кому-нибудь кромѣ государя, а кто обратится къ кому-нибудь кромѣ государя, того предавать смерти; кто безъ позволенія перемѣнитъ свой постъ, того предавать смертной казни".

Авторъ усматриваетъ здѣсь освященіе института genti adscriptio (крѣпостничества всѣхъ классовъ общества), замѣченнаго имъ и въ древне-монгольскомъ и московскомъ правѣ. Но темный смыслъ фрагмента въ подробностяхъ не даетъ права дѣлать этотъ широкій выводъ; дѣло идетъ о военныхъ начальникахъ и *кажется*, что здѣсь предписывается имъ не имѣть сношеній съ иноземными властями (въ предупрежденіе измѣны). Во всякомъ случаѣ такое явленіе, какъ общее прикрѣпленіе всѣхъ классовъ къ службѣ и мѣстожительству не можетъ быть явленіемъ заимствованнымъ изъ одного какого-либо чужеземнаго устава.

Это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію *результатовъ* вліянія татарщины на русское право, въ томъ видѣ какъ они установлены Ѳ. И. Леонтовичемъ.

Онъ указываетъ слѣдующіе частности въ древне-русской татарщинѣ:

а) Происхожденіе *Приказовъ* или Палатъ (стр. 251—253). По мнѣнію автора во Ордѣ такія палаты образовались при первыхъ Чингизидахъ. Березинъ сомнѣвается въ этомъ и относитъ происхожденіе ихъ къ позднѣйшему времени (на основаніи недостатка извѣстій о нихъ). Но пусть такъ; пусть ордынскія палаты возникли въ XIII в. Но на Руси ихъ не было ни въ XIII, ни въ XIV, ни въ XV вв., т. е. во все время татарскаго вліянія; а появляются они лишь въ XVI в. и то въ зачаточной формѣ. Полное образованіе ихъ относится къ XVII в. Очевидно, что здѣсь заимствованіе не могло имѣть мѣста; можно пожалуй согласиться, что изъ сѣмянъ заброшенныхъ татарщиною въ XIII и въ XIV вв., слагается вообще такой характеръ Московскаго государства, который привелъ и здѣсь къ тѣмъ же явленіямъ, какія раньше проявились у самихъ татаръ. Но, повторяетъ, это уже не заимствованіе.

Притомъ сходство русскихъ Приказовъ съ ордынскими палатами не идетъ дальше взаимнаго сходства всѣхъ первобытныхъ администра-

тивныхъ и судебныхъ учрежденій всѣхъ государствъ монархическаго характера.

б) Далѣе авторъ указываетъ на другой институтъ, „сущность котораго несомнѣнно монгольскаго происхожденія“ (стр. 253); это *тарханство*. Терминъ дѣйствительно и несомнѣнно татарскій и явленіе, обозначаемое имъ, почти вполнѣ соотвѣтствовало тому, подъ нимъ разумѣли татары, т. е. тарханъ есть лицо, освобожденное отъ власти и суда обыкновенныхъ мѣстныхъ правителей (но не отъ власти и суда хана), освобожденное отъ податей и повинностей въ пользу государства (но не отъ военной) и въ свою очередь снабженное властію управленія и суда надъ лицами ему подчиненными.

Но вспомнимъ, что такое же самое явленіе, извѣстное у насъ иначе подъ именемъ „обѣлѣнія“, извѣстно было въ западной Европѣ подъ именемъ иммунитетовъ. Получившій жалованную грамоту (привилегію) на иммунитетъ, и тамъ освобождался точно также отъ власти и суда мѣстныхъ органовъ государства съ непосредственнымъ подчиненіемъ королю,—точно также освобождался отъ обыкновенныхъ податей и повинностей. И такъ всѣ три явленія: татарское, русское и западноевропейское—сходны. Можно-ли между ними установить связь заимствованія? Въ пользу предположенія о заимствованіи русскими у татаръ говоритъ только одно названіе, которое, впрочемъ чаще замѣнялось туземнымъ: жалованная несудимая грамота. Но если отъ заимствованія терминовъ заключать къ заимствованію предметовъ, то слѣдовало бы думать что у русскихъ до татаръ не былъ дорогъ, ибо терминъ „дорога“ татарскій, не было лошадей, анбаровъ и т. д. Вспомнимъ, что въ польскомъ правѣ XIII в. есть цѣлая масса несудимыхъ грамотъ.

в) Но у Ѳ. И. Леонтовича есть, повидимому, другое основаніе, гораздо болѣе твердое, а именно: тарханными грамотами освобождаются люди отъ личной крѣпостной зависимости, отъ того, что онъ называетъ genti adscriptio. Это общее прикрѣпленіе всѣхъ классовъ общества есть, по его мнѣнію, продуктъ монгольщины, какъ у себя, такъ и на Руси. Такимъ образомъ какъ то, отъ чего освобождаются, такъ и способъ освобожденія заимствованы нами отъ монголовъ (стр. 254). Крѣпостничества, genti adscriptio, онъ не находитъ нигдѣ въ странахъ, не подвергшихся монгольскому давленію; въ западной Европѣ онъ признаетъ только glebae adscriptio (прикрѣпленіе къ землѣ).

Провѣримъ это. Западная Русь подверглась татарщинѣ въ наименьшей степени и никто не рѣшится искать въ правѣ Литовско-русскаго государства типическихъ чертъ татарскаго права. Но въ привилегіяхъ литовско-русскихъ великихъ князей (этихъ истинно-тарханныхъ грамотахъ, хотя онѣ тамъ и не называются такъ) содержится освобожденіе (для лицъ или общинъ) отъ такихъ повинностей и службъ, которыя должны быть названы въ точномъ смыслѣ барщинными, или даже холопскими. Слѣдовательно, отношеніе населенія къ великому князю до привилегій есть состояніе прикрѣпленнаго, даже холопа. Судя по этимъ привилегіямъ, лица и общины были обязаны сторожить великокняжескіе дворы и скарбъ, топить для великаго князя бани, возить дрова, пасти коней, овецъ и свиней, косить сѣно, убирать его и свозить во дворы великаго князя, сгонять по рѣкамъ плоты великаго князя и выволакивать ихъ на берегъ, сыпать пруды, ходить въ облаву; ремесленники должны приносить на великаго князя дворъ часть своихъ продуктовъ (напр. мясники по яловицѣ) и т. д. Сельское населеніе „гонять въ пригонъ“ въ подводы и ловы. Всякое недвижимое имущество принадлежитъ великому князю и находится лишь въ пожизненномъ пользованіи лицъ; послѣ смерти владѣльца оно можетъ перейти къ наслѣдникамъ по закону лишь по особой милости и во всякомъ случаѣ по волѣ великаго князя. Вдовъ и дѣвицъ выдаетъ замужъ „силою“ великій князь. Вообще населеніе прикрѣплено къ тяглу или къ службѣ и къ мѣсту жительства; великій князь можетъ дарить лица и общины (цѣлые города и земли) въ частную зависимость [1]).

Итакъ зависимость западно-русскаго населенія отъ великаго князя въ XIV в. до такой степени строга, что едвали не строже зависимости сѣверно-русскаго населенія отъ князей того же времени.

Зародышъ ея кроется въ основахъ общества, именно въ древнѣйшихъ отношеніяхъ челяди къ домовладыкѣ. Изъ этой общей и неопредѣленной клѣточки развиваются впослѣдствіи всѣ разнообразныя от-

---

[1]) Мы даже высказали въ печати мысль, что трудно, отвлекая эти черты рабства изъ привилегій, признать ихъ *всѣ* за признаки прежняго нормальнаго состоянія. Но въ главныхъ основаніяхъ привилегіи дѣйствительно знакомятъ насъ съ предшествовавшимъ имъ крѣпостнымъ состояніемъ.

ношенія государственныя и частноправныя, свобода и крѣпостничество, смотря по разнообразію дальнѣйшихъ условій политической жизни. Въ Литовской Руси крѣпостничество утвердилось подъ вліяніемъ Литовскаго завоеванія, въ Московской, подъ вліяніемъ татарскаго завоеванія. Но въ дальнѣйшихъ условіяхъ политической жизни обоихъ народовъ для нихъ намѣчены противоположные пути: западно-русское государство подъ вліяніемъ Польши и чрезъ нея западной Европы пошло по пути свободы для высшихъ классовъ и отчасти для городскихъ общинъ; Московское подъ вліяніемъ Византійскихъ преданій и продолжающагося вліянія татаръ пошло по пути, ведущему къ дальнѣйшему укрѣпленію всеобщаго рабства, отнюдь не заимствовавъ его у монголовъ (т. е. татаръ).

Смѣемъ думать (не будучи спеціально посвящены въ исторію калмыцкаго права), что у самыхъ калмыковъ сила порабощенія отнюдь не была и не могла быть столь строгою и всеобъемлющею, какъ въ Московскомъ государствѣ. Этого не могло быть при кочевомъ бытѣ и первобытности всѣхъ общественныхъ отношеній калмыцкаго племени. Этимъ, между прочимъ, объясняется, отчего тамъ не могло быть glebae adscriptio, прикрѣпленія къ мѣстужительства;—a glebae adscriptio гораздо больше характеризуетъ Московское право, чѣмъ genti adscriptio: крестьяне прикрѣплены къ землѣ, посадскіе къ посаду, дворяне—къ городу. Genti adscriptio въ строгомъ смыслѣ можетъ существовать только подъ условіемъ кочеваго быта.

Пріурочивая признаки genti adscriptio къ Московскому государству, авторъ долженъ былъ допустить нѣкоторую натяжку относительно очень крупныхъ истинъ, твердо установленныхъ наукою; а именно: извѣстно, что прикрѣпленіе крестьянъ совершилось у насъ въ XVII в. (если оставить въ сторонѣ сомнительную исторію указовъ Ѳедора Ивановича). Между тѣмъ Ѳ. И. Леонтовичъ говоритъ: крестьянское населеніе „могло потерять свободу лишь въ эпоху всеобщаго обездоленія, подъ вліяніемъ монгольскаго разгрома, когда угнетенному сельскому люду было не до заботы о своей старой общинной свободѣ“ (стр. 258), и потомъ указываетъ на „численныхъ людей“, „серебренниковъ“, „старожильцевъ“, и „вотчинныхъ зюдей“, которые будто-бы появляются лишь со времени татарскаго завоеванія. Но если искать зародышей крѣпостнаго состоянія, то они несомнѣнно существуютъ на самыхъ первыхъ ступеняхъ историческаго развитія общества, задолго до татарскаго завоеванія; именно они очевидны въ ролейныхъ закупахъ Русской Правды и въ

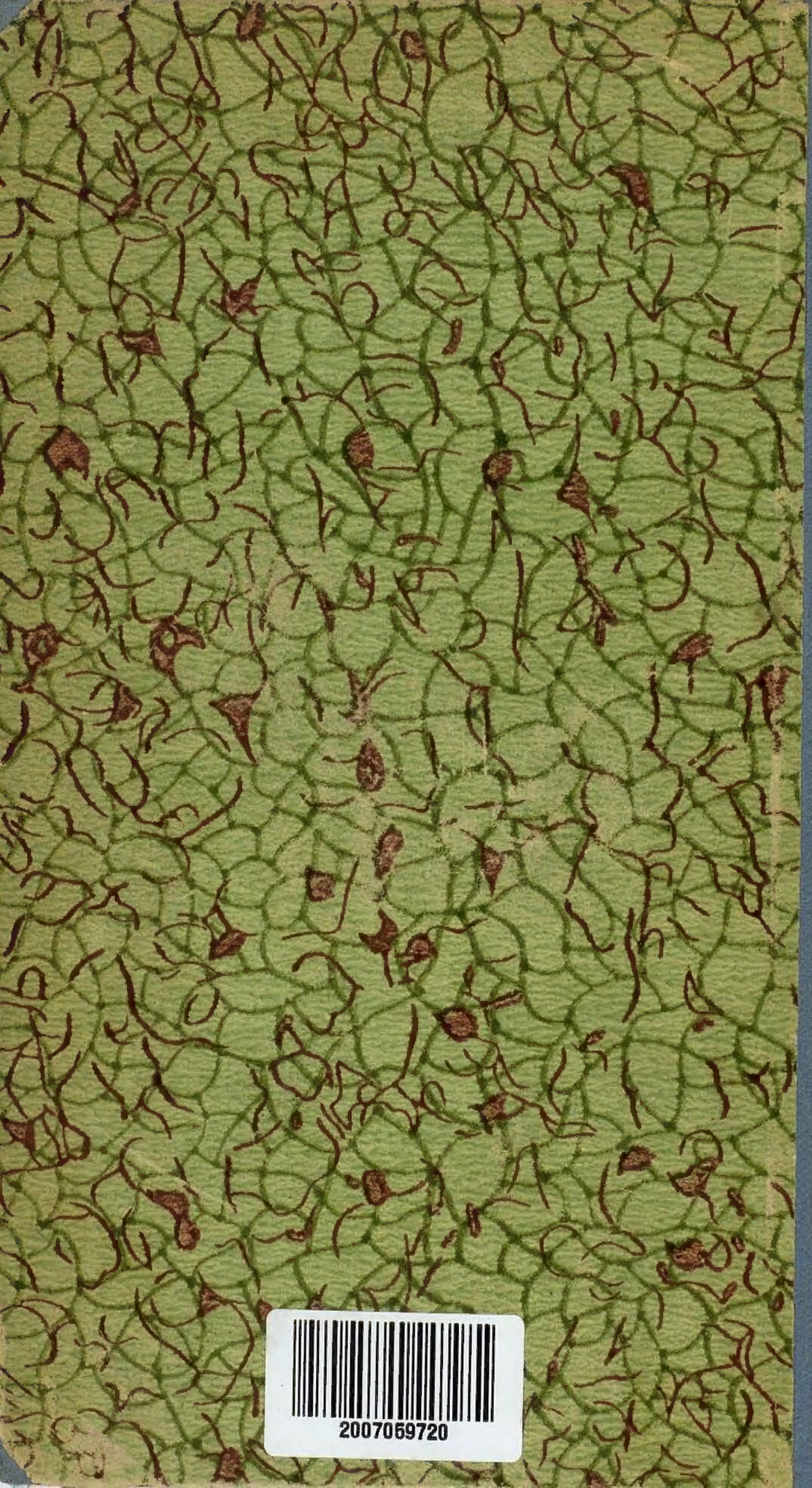
смердахъ того же памятника и лѣтописей. Итакъ утвержденіе крѣпостнаго состоянія совершилась почти $1^1/_2$ вѣка спустя послѣ уничтоженія татарскаго ига, а зародыши крѣпостнаго состоянія появляются на первыхъ страницахъ русской исторіи. Противоположный взглядъ особенно странно встрѣтить у того писателя, которому принадлежитъ изслѣдованіе о „Крестьянахъ югозападной Руси“ (Кіевъ, 1863 г.), гдѣ авторъ указывалъ (весьма основательно) источники крѣпостнаго сословія, не имѣющіе ничего общаго съ татарскимъ завоеваніемъ.

Наконецъ—послѣдняя замѣтка: авторъ вездѣ говоритъ о *монгольскомъ* вліяніи на Руси и говоритъ объ этомъ по поводу изданнаго имъ памятника несомнѣнно монгольскаго происхожденія. Между тѣмъ въ наукѣ установилось уже мнѣніе, что завоеватели Руси XIII в. были въ главной массѣ—*татары*. Быть можетъ авторъ не согласенъ съ этимъ; но нужно было доказать противное; иначе связь изданнаго имъ Устава калмыковъ съ древними узаконеніями татарскихъ хановъ (и безъ того проблематическая) становится весьма сомнительною; а самая рѣчь о татарскомъ вліяніи на Руси по поводу калмыцкаго уложенія—является случайною.—Впрочемъ мы ставимъ эту замѣтку только въ видѣ вопроса.

М. Владимірскій-Будановъ.

Кіевъ.
27 сентября
1879 г.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій. Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра, 1879 года.


2007069720